

Екатерина II и развитие военного флота России

Г.А. Гребенщикова

Преобразования, произошедшие в 60—80-е годы XVIII в. в некоторых звеньях российского государственного механизма, коснулись и Государственной Адмиралтейской коллегии. Образованная 11 апреля 1717 г. по указу Петра I, Адмиралтейская коллегия (Адмиралтейств-коллегия) являлась центральным коллегиальным учреждением по руководству военной и всей административно-хозяйственной деятельностью флота.

Сразу же после вступления на престол в 1762 г. Екатерина II осуществляет ряд реформ в области морской администрации. В первую очередь она выводит коллегию из подчинения Сенату и предоставляет ей значительную долю автономии с прямой подотчетностью лично ей, а члены коллегии получают обширные полномочия.

Екатерина на протяжении всего периода пребывания на российском престоле (до 1796 г.) принимала активное участие в морских делах государства, посещала заседания Адмиралтейств-коллегии, вникала в вопросы вооружения и снабжения флота, присутствовала почти при каждом спуске кораблей с главной Адмиралтейской верфи Петербурга, курировала строительство Балтийского, а позже и Черноморского флотов. Некоторые весьма существенные законодательные и административные инициативы, касающиеся морского аспекта деятельности государства, исходили лично от нее.

В письме Екатеринославскому и Таврическому губернатору князю Г.А. Потемкину Екатерина отмечала: «Я всегда отменным оком взирала на все флотские дела. Успехи оного Меня всегда радовали более, нежели сухопутные, понеже к сим изстари Россия привыкла, а о морских ея подвигах лишь в Мое царствование прямо слышно стало: до дней оного морская часть считалась слабейшую»¹.

Одним из первых распоряжений императрицы, направленных в Адмиралтейств-коллегию, было предписание от 26 августа 1762 г. об отправлении в Англию «для точного изучения морского дела» двадцати одного человека из числа способных мичманов, офицеров и корабельных подмастерьев. Молодые российские морские офицеры должны были проходить стажировку «на английских кораблях волонтерами, для примечания тамошних военных порядков, и в пользу к приобретению в знание оных». 28 августа Екатерина посетила Адмиралтейскую крепость «и соизволила быть у новостроющегося 66-пушечного корабля, а потом в чертежной»².

В эпоху деревянного кораблестроения основным строительным материалом был лес. От его количества, качества и правильной заготовки зависели сроки службы кораблей флота, их боеспособность и боеготовность³. В феврале 1763 г. Екатерина II направляет в коллегию собственноручную короткую записку: «Слышно из Казани, что от слабого наблюдательства заготовляемые казенные корабельные леса лежат без покрышки и гниют. Коллегии Адмиралтейской прилежное наблюдательство иметь и поискать к заготовлению и отправлению лучших способов, ибо слышно, что во отправлении оного леса до Петербурга много напрасных расходов есть»⁴.

Крупным мероприятием Екатерины II стало образование при Адмиралтейств-коллегии особой комиссии для решения всех дел, касающихся морского управления

и функционирования Балтийского флота. 17 ноября 1763 г. в коллегию последовал высочайший⁵ указ, в котором императрица, намереваясь «посвятить все дни государства своего к пользе империи и к привелению ея в наиблагополучнейшее и безопаснейшее состояние», в целях повышения обороноспособности государства повелела учредить при Адмиралтейской коллегии особую Морскую Российской флотов и Адмиралтейского правления комиссию⁶. Первыми членами Морской комиссии стали вице-адмирал С.И. Моравинов, граф И.Г. Чернышев, вице-адмирал Ф.С. Милославский и контр-адмирал Г.А. Спиридов.

Задачи, поставленные Екатериной перед Морской комиссией, были сформулированы в одиннадцати пунктах и охватывали широкий спектр проблем. Главным стал вопрос реформирования Адмиралтейской коллегии, разработки проекта ее нового структурного деления и принятия нового Регламента об управлении Адмиралтейств и флотов. Следовало намстить ряд конкретных мер, необходимых для развития Балтийского корабельного и галерного флотов, «стараясь при том, чтобы в случае нужды оные флоты умножить». По сути комиссии предстояло выработать программу усиленного кораблестроения на Балтике, темпы которого резко снизились после смерти Петра I. Понимая, однако, что для выполнения столь масштабной задачи по возрождению российского флота необходимы большие запасы леса, Екатерина требует составления положения о сохранности корабельных рощ и о способах борьбы с гниением деревьев. Она поручает разобраться, по какой причине «в строении кораблей порча случается, и корабли не более десяти или двенадцати лет служить могут, что без прискорбности слышать не можем»⁶.

В остальных пунктах предусматривались капитальная застройка Кронштадта как главной базы флота, комплектование флота личным составом, его боевая подготовка, упорядочение финансирования флота. В конце документа имеется собственноручная приписка Екатерины в виде 12-го пункта: «Комиссия в распоряжениях всех амуралтейских и флотских штатов имеет обращаться к настоящей определенной сумме: по одному миллиону по двести тысяч рублей на год»⁷.

25 ноября 1763 г. Екатерина II конфирирует своей резолюцией «Быть посему» проект реформы адмиралтейского управления, представленный членами Морской комиссии. Стержнем реформы становится реорганизация структурных подразделений Адмиралтейской коллегии. До 1763 г. основным законодательным актом, регулирующим морскую администрацию России, являлся Регламент Петра I, принятый в 1722 году. При Екатерине II принимается новый Регламент, в котором отражается структура и состав коллегии, формулируются ее функции и обязанности членов⁸. Перед его принятием императрица подписала следующее распоряжение: «Разделить все до моря и морских сил касающиеся дела на две части, то есть: 1. на амуралтейскую и 2. на военную, учредя особых персон для правления одной и другой. В первой положили быть президентом генерал-адмиралу, потом вице-президенту и пяти экспедиторам, или правителям главных частей, составляющим Адмиралтейство, поруча каждому в его дирекцию особый департамент. Военная же часть или флотская должна быть разделена на две эскадры, в которых бы было по адмиралу, вице-адмиралу и контр-адмиралу».

Глава первая нового Регламента об управлении Адмиралтейств и флотов открывалась такими строками: «Коллегия Адмиралтейская состоит из знатных и заслуженных персон, которые искусство морской службы довольно знают... Коллегия Адмиралтейская имеет генеральную верховную дирекцию и власть над флотами, их командирами, людьми, строениями и прочими всеми делами, ко флоту и Адмиралтейству принадлежащими. В ея же главном смотрении и управлении находятся все денежные приходы и расходы, строение и содержание кораблей, галер и прочих морских судов, изготовление и порядочное употребление всех материалов лесных и других, одним словом, все, что к поправлению и к экономии флотов принадлежит»⁹.

Таким образом, Адмиралтейств-коллегия как высший орган морской администрации России занималась постройкой, вооружением, снабжением, финансированием и комплектованием флота личным составом, строительством и оборудованием портов и верфей, заведовала полотняными и капатными заводами. В ее ведении находились Морской кадетский корпус и лоцманская служба. Президентом Адмиралтейств-коллегии и генерал-адмиралом флота стал великий князь Навсль Петрович, вице-президентом — граф И.Г. Чернышев.

Чернышев родился в 1726 году. Его отец Г.П. Чернышев вместе с Петром Великим прошел боевой путь русской армии и флота, принимал участие в первом Азовском походе, во взятии крепостей Нотебург, Ниеншанц, Нарва и Выборг, в Полтавской битве и в действиях русского галерного флота в Финском заливе и Балтийском море. Своей храбростью он снискал глубокое уважение Петра, а после его смерти стал сенатором и генерал-губернатором Московской губернии, получил титул графа.

И.Г. Чернышев являлся бессменным вице-президентом Адмиралтейств-коллегии на протяжении всего царствования Екатерины II, за исключением 1768—1769 гг.,

Гребенщикова Галина Александровна — кандидат исторических наук. Санкт-Петербург.

когда исполнял обязанности чрезвычайного и полномочного посла в Великобритании. До самой смерти Екатерины он не утратил ее благосклонности и доверия. Императрица наградила его орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского — «за многие труды в приведение флота в добное состояние», а затем пожаловала ему алмазные знаки к ордену Св. Андрея Первозванного — «за труды в вооружении флотов»¹⁶.

По новому Регламенту, принятому 25 августа 1765 г., вместо прежних одиннадцати контор коллегия стала делиться на 5 экспедиций: комиссариатскую (возглавляемую генерал-кригс-комиссаром), интендантскую (во главе с генерал-интендантом и генерал-экипажмейстером), артиллерийскую (во главе с генерал-цейхмейстером), счетную (во главе с генерал-контролером) и казначайскую (возглавляемую генерал-казначеем)¹⁷.

В обязанности генерал-кригс-комиссара флота входило снабжение офицеров и матросов всем необходимым: обмундированием, обувью и провизионом. Поскольку интендантская экспедиция подразделялась на два департамента — интендантский и экипажеский — то, соответственно, во главе ее стояли два генерала. В ведении генерал-интенданта находились все верфи, гавани, порты и адмиралтейские строения. Он обеспечивал поставку на верфи квалифицированной рабочей силы — казенных (крепостных) мастеровых, плотников, столяров, мачтовых мастеров. Деятельность генерал-интенданта была направлена на содержание Балтийского флота в комплексе, то есть непосредственно на строительство кораблей, фрегатов, малых судов и галер, и на поддержание его боеспособности. Генерал-интендант также осуществлял надзор за казенными корабельными рощами, руководил заготовкой, доставкой и хранением корабельного леса.

Генерал-экипажмейстер курировал поставки парусины, канатов, тяжелажа и пеньки, но прежде всего в круг его обязанностей входило «сбережение всех построенных судов» — ремонт кораблей флота. Генерал-экипажмейстер обеспечивал своевременное снабжение верфей лесом, железом, слюдой, якорями, материалами, инструментами и полностью прослеживал степень подготовки судов к боевой или практической кампаниям. В связи с тем, что в состав Балтийского флота входило несколько портов, в подчинении экипажескому департаменту находились все портовые конторы флота, являвшиеся управляемым звеном каждого порта. При Екатерине II было шесть портов: Санкт-Петербургский, Кронштадтский, Ревельский, Архангельский, Астраханский и Казанский. Балтийский флот состоял из двух основных эскадр — Ревельской и Кронштадтской, в остальных портах базировались флотилии.

Генерал-цейхмейстер решал вопросы артиллерийского вооружения кораблей. В его обязанности входило осуществление контроля за отливкой пушек для флота и их доставкой на Балтику, снабжением кораблей, портов и гарнизонов порохом, ядрами и другими снарядами, а также строительством и содержанием морских крепостей. Генерал-контролер и генерал-казначай, соответственно, занимались всеми вопросами финансирования флота, распределяли денежные средства, осуществляли контроль («ревизию») над их расходованием и вели отчетность. Каждой экспедиции предписывалось «иметь о флоте всегда доброе и ревностное понечение», все исполнять вовремя, по Регламенту, и каждую субботу отсыпать в Адмиралтейскую коллегию отчеты. Все «требования, доклады и рапорты», поступавшие из портовых контор от командиров портов, предписывалось направлять в Адмиралтейскую коллегию. Право распечатывать корреспонденцию предоставлялось президенту, который с соответствующими указаниями передавал ее вице-президенту.

По утвержденному Екатериной кадровому штату в Балтийском флоте полагалось иметь двух адмиралов, двух вице-адмиралов и трех контр-адмиралов (при Петре было два адмирала, три вице-адмирала и четыре контр-адмирала), одного обер-сарвайера (главного государственного кораблестроителя), пять корабельных мастеров, семнадцать подмастерьев, двух галерных мастеров, четырех галерных подмастерьев и четырех мачтовых мастеров. В 1763 г. из корабельных мастеров, работавших на верфях Петербурга и Архангельска, был только один иностранец — англичанин Ламбет Ямес. Поэтому во всеподданнейшем докладе члены коллегии просили императрицу о разрешении «выпiscать из Англии и Франции по одному корабельному мастеру — таковых, которые не только корабли строить и с элингов спускать умели на воду, но имели бы искусство и в доковом деле..., дабы вводимые для починок в канал¹⁸ корабли ставлены были на блоки с охранением от повреждения, и их починивать умели. Чрез пребывание их здесь несколько лет могли бы определенные к ним в науку мастера и подмастерья таковому искусству и сами научиться»¹⁹.

Императрица утвердила предложение коллегии, и из Англии кроме корабельного было решено «выпiscать» мачтового, конопатного, тяжелажного, канатного, блокового и якорного мастеров. Английское влияние на российское судостроение утвердилось в последние годы жизни Петра I (вытеснив голландское), когда лично им в Россию строить корабли приглашались талантливые английские корабельные мастера — Осип Най, Ричард Козенс и Ричард Броун. Екатерина II продолжила традиции Петра, оконча-

тельно отдав приоритеты английской школе кораблестроения. На верфях Архангельска и Петербурга кроме Ламбе Ямеса стали работать англичане Кольман и Гунион.

Вместе с тем надо отдать должное и русским корабелам. Уже 20 августа 1763 г. с Адмиралтейской верфи Петербурга состоялся спуск на воду двух 66-пушечных кораблей: «Св. Януария» и «Св. Ефима» — будущих герояς Чесменского сражения. Императрица произвела их строителей Потапа Качалова и Данилу Ульфова соответственно в полковники и подполковники. В том же году Качалов назначается обер-сарвайером флота. Несколько позже ряды кораблестроителей пополният Д. Моральский, прошедший обучение в Англии, М.Д. Портнов и А. Катасанов, на счету которых будет строительство двух 100-пушечных и одного 130-пушечного корабля.

Линейные корабли 100-, 90-, 80-, 74- и 66-пушечного ранга составляли боевое ядро парусных флотов морских держав, в том числе и эскадр Балтийского флота, и от их количества, равно как и от качества постройки, зависела морская сила империи.

В 1763—1764 гг. корабельный состав Балтийского флота насчитывал 35 судов. Кронштадтская эскадра состояла из кораблей: 100-пушечных — 1, 80-пушечных — 6, 66-пушечных — 4, 54-пушечных — 3, фрегатов 32-пушечных — 3. Всего вместе с малыми судами — из 20; Ревельская эскадра состояла из кораблей: 80-пушечных — 1, 66-пушечных — 7, фрегата 32-пушечного — 1. Всего — из 9. В Архангельске находилось: кораблей 66-пушечных — 4, фрегатов 32-пушечных — 2. Итого — 6. Таким образом, со временем правления Елизаветы Петровны Балтийский флот не получил ни одного 100-пушечного корабля. Строительство кораблей этого ранга Екатерина II возобновила лишь в 1782 году. До этого времени она отдавала предпочтение кораблям 66-пушечного ранга — их строительство шло быстрыми темпами как до русско-турецкой войны 1768—1774 гг., так и после.

Что касается галерного флота, то члены Морской комиссии докладывали императрице: «Комиссия нужду находит, чтоб также выписать и галерного мастера из Франции или Венеции. Ибо хотя в России галеры сими обоми манерами и строятся, но на море не способны, как подле берегов и в шхерах. Употребляемые на Средиземном открытом море, где шхер нету, должны быть иначе построены. Для чего комиссия всеподданнейше представляет, чтоб не токмо такого одного выписать, но при том и малтийского ордена несколько кавалеров, которые всегда на оных служат. Токмо с attestатами, что они в их караванах служили, и в сражениях бывали»¹⁴. Императрица согласилась с мнением членов комиссии и постановила иметь комплект галер в мирное время в количестве пятидесяти единиц, а в военное время — ста пятидесяти.

При Екатерине II сложился государственный церемониал спуска кораблей на воду. В Регламенте в главе третьей пункте 21, например, записано: «При спусках кораблей и других военных судов, когда Мы присутствовать будем, приготовлять с кушаньем и напитками столы..., и на то деньги держать из Адмиралтейской суммы»¹⁵. 13 июня 1766 г. в Петербурге с Адмиралтейской верфи в присутствии императрицы, генерал-адмирала великого князя Павла Петровича, членов Адмиралтейской коллегии, генералитета, а также «знатных господ первых четырех классов, в том числе первых двух классов с супругами, чужестранных министров, Святейшего Синода и Правительствующего Сената» состоялся торжественный спуск на воду двух кораблей 66-пушечного ранга.

В официальном придворном церемониале и в протоколах Адмиралтейств-коллегий этот день описан так: «13 числа во вторник по утру в 11 часов ко Двору Ея Императорского Величества имели приезд гофмейстера штат дама, фрейлины и господа придворные кавалеры, и проходили в парадные комнаты. В 12-м часу Е.И.В. из внутренних своих комнат с вышеупомянутыми персонами изволила шествовать в карету и направилась в Адмиралтейскую крепость». При приближении императорского кортежа к первым Адмиралтейским воротам трубачам и литаврикам было приказано «играть на трубах и бить по литаврам». Екатерину встречали почтенный караул во главе с обер-интендантом, кригс-комиссаром и морскими офицерами. При въезде государыни во внутренние ворота наготове также стояли трубачи и литаврики во главе с генерал-цейхмейстером и генерал-интендантом, морскими офицерами и морскими артиллеристами. В это же время с крепости «было выпалено из 101 пушки, что служило сигналом к поднятию императорского штандарта». Выстроенные солдатские морские батальоны «при шествии мимо них Е.И.В. уклоняли знамена и били барабаны, и с игранием музыки держали все время ружье на караул».

Екатерину встречали генерал-адмирал флота Павел Петрович и вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф И.Г. Чернышев. Затем шествие двинулось к Адмиралтейской верфи. Здесь «во фронт с ружьем» стояли кадеты Морского корпуса, которые при прохождении мимо них императрицы «отдавали честь ружьем с барабанным боем и кричанием ура 11 раз». При вступлении на корабль, «построенный корабельным мастером Ульфовым, и по отправлении водоосвящения и молебного пения» императрица «согласилась его наименовать Трех Великих Иерархов: Василия Великого,

Григория Богослова и Иоанна Златоуста, на котором сама и на воду спуститься изволила. Повсевсю спустить другой по течению реки Невы ниже стоянemu, построенному Качаловым, наименовать соизволила Трех Святителей — Петра, Алексея, Ионы... На оных кораблях петр был молебен преосвященным Гавриилом, архиепископом Санкт-Петербургским; Иннокентием, епископом Пскоуским; Гавриилом, епископом Тверским». После благополучного схода кораблей на воду «происходила пальба, музыка, от многочисленного народа воскликнуто было ура... На помянутых кораблях все знатные персоны потчиваются были воткою»¹⁶.

Строителей кораблей Д. Ульфова и И. Качалова императрица наградила ценными подарками: каждый получил по три рубля за пушку, считая по общему количеству орудий на корабле. Деньги на серебряном блюде им были поднесены президентом коллегии великим князем Павлом Петровичем. Обеденный стол, сервированный в Адмиралтейской коллегии по случаю торжества, имел форму якоря — «в знак приведения флота в цветущее состоянис». Екатерина и Павел восседали «под балдахином малиновым бархатным, обложенным золотым позументом». После завершения церемонии корабли, получившие наименования «Трех Иерархов» и «Трех Святителей», были отправлены в Кронштадт. Там их копонагили, смолили и осуществляли полное парусное и артиллерийское вооружение.

9 января 1764 г. состоялся совместный доклад императрице членов коллегий иностранных дел и Морской российских флотов комиссии, после утверждения которого была принята военно-морская доктрина России. Ее сущность заключалась в том, чтобы «флот Российской не токмо Дацкому и Швецкому равен был каждому, но и желательно, чтоб в числе линейных кораблей оные еще и превосходить мог». Продумывая возможность вступления Дании и особенно Швеции в войну с Россией, признавалось, однако, что «помянутые державы, сколько бы ни силились, не могут собственными своими доходами, без помощи посторонних субсидий, вывести в море каждая столько линейных кораблей, из скольких состоит Российский флот. А если бы Швеция или Дания в случае войны с Россиюю имели какую постороннюю себе помощь субсидиями, то напротив того, можно сказать, что и Россия могла бы тогда получить помощь от Англии, которая будучи весьма интересована в беспрепятственной на Балтийском море коммерции, конечно не оставила бы употребить достаточные силы, чтоб очную содержать в свободном течении»¹⁷.

В начале 60-х годов XVIII в. определились вероятные противники и союзники России на Балтийском море. Согласно новой военной доктрине императрицы была утверждена долгосрочная судостроительная программа, направленная на выравнивание уровней состояния российского флота с флотами Швеции и Дании. При Екатерине II было введено еще одно важное новшество: произошло разделение корабельного состава флота по мирному и военному положениям. Балтийский флот должен был состоять из двойного комплекта кораблей. Комплект в мирное время составил 21 ед. линейных кораблей, в военное время — от 32 до 40 единиц. Адмиралтейской коллегии и Морской комиссии вменялось «стараться о заготовлении лесов и других материалов, и о содержании всего того в готовности, дабы в случае нужды флот здешний как скоро возможно и не более года по военному комплекту умножить было можно».

Важно отметить, что на протяжении 30-летнего периода ни одна европейская морская держава, кроме Швеции в 1788 г., не начинала войну с Россией; исключение составила Турция, объявившая войну в 1768 и 1787 годах. В период между 1775 и 1788 гг. происходило дальнейшее строительство и совершенствование Балтийского флота. После завершения Первой Архипелагской экспедиции в 1775 г. главным командиром Кронштадтского порта становится вице-адмирал С.К. Грейг. На российской военно-морской службе состояло немало выдающихся иностранцев, однако личность адмирала Грейга до сих пор остается несколько в тени по сравнению с другими прославленными адмиралами. Между тем это была неординарная фигура в российском флоте.

Шотландец по происхождению, он служил в России необычайно долго — с 1764 по 1788 годы. Адмирал Грейг был талантливым организатором флота, выдающимся военно-морским теоретиком с инженерными и аналитическими способностями и внес значительную лепту в развитие военно-морских сил России. Корабли по его чертежам долгие годы строились на Архангельских верфях. Вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф Чернышев нашел в лице Грейга надежного помощника, советы которого высоко ценил. Между ними установились дружеские отношения, продолжавшиеся до самой смерти адмирала. Свидетельством тому служит их длительная служебная и личная переписка на русском, французском и английском языках, охватывающая разнообразный круг вопросов. Часто письма Чернышева Грейгу из Петербурга в Кронштадт начинались такими словами: «Государь мой Самойла Карлович! Имея нужду поговорить с Вашиим Превосходительством, прошу пожаловать сюда присехать. Но мне желалось бы, чтобы то было во вторник или же в воскресенье, чтоб иметь удовольствие с вами у меня отбесдатъ»¹⁸.

По рекомендации Грейга Адмиралтейств-коллегия отправляла на обучение в Англию будущих кораблестроителей, он ходатайствовал о том, чтобы Балтийский флот начал получать 100-пушечные корабли улучшенной конструкции. 23 октября 1781 г. императрица направила в Адмиралтейство коллегию указ: «Предположив флот Наш умножить по мере величия империи Всероссийской, признали Мы за благо в дополнение к настоящему комплексу по мирному времени прибавить восемь ста пушечных кораблей, повелев назвать их именами тех, кои во время последней войны с Портою Оттоманской прославились победами в Средиземном море»¹⁹. 26 июня и 2 июля 1782 г. в Петербурге и Кронштадте состоялась торжественная закладка первых за время правления Екатерины II 100-пушечных кораблей, получивших наименование «Трех Иерархов» и «Ростислав». «Трех Иерархов» строил англичанин Ламбе Ямес, «Ростислав» — А.С. Катасанов. На их строительство из государственной казны было выделено 200 тыс. рублей. Корабли вошли в состав Балтийского флота в 1783 и 1784 годах.

В 1782 г. согласно высочайшему указу был принят новый корабельный штат флота, согласно которому полагалось иметь в мирное время: 100-пушечных кораблей — 8, 74-пушечных — 8, 66-пушечных — 24, 32-пушечных фрегатов — 12, судов для скорых посылок — 12, баркасов и другого рода судов — 54; в военное время: 100-пушечных кораблей — 8, 74-пушечных — 16, 66-пушечных — 24, 32-пушечных фрегатов — 16, судов для скорых посылок — 16, баркасов и другого рода судов — 66.

По сравнению с 1763 г. в 1782 г. кадровый состав Балтийского флота стал следующим: генерал-адмирал — один, адмиралов — три, вице-адмиралов — четыре, контр-адмиралов — пять. 28 мая 1783 г. императрица издала еще один указ — о переводе Адмиралтейства из Петербурга в Кронштадт. На столичной верфи оставили только строительство галер. Грейгу как главному командиру Кронштадтского порта предстояло выполнить колоссальный объем работ по строительству нового Адмиралтейства со всей сопутствующей инфраструктурой главной базы флота — зданиями, постройками, эллингами, магазинами, складами, жилыми домами, казармами. В именном рескрипте адмиралу Екатерина писала: «Все строения вы будете производить под собственным Нашим руководством..., в чем Мы совершеенно полагаемся на известное ваше усердие к службе и искусство».

Таким образом, в период правления Екатерины II сложилась целостная система морской администрации России. В результате Балтийский флот получил возможность нормально развиваться и к началу русско-шведской войны 1788—1790 гг. стал одним из сильнейших на Балтике.

Примечания

1. АРЕНС Е.И. Русский флот. Исторический очерк. СПб. 1904, с. 42.
2. Российский Государственный Архив Военно-морского флота (РГАВМФ). ф. 227, оп. 1, д. 18, л. 9—11.
3. Эти понятия отличались тем, что под боеспособностью понималось хорошее техническое состояние судов флота, находившихся в боевой кампании или практическом плавании; под боеготовностью понималось такое же состояние судов флота непосредственно после их тимберовки, то есть капитального ремонта, когда корабли были полностью готовы вступить в строй.
4. РГАВМФ. ф. 227, оп. 1, д. 19, л. 3.
5. Там же, л. 45—45 об.
6. Там же, л. 46—47.
7. Там же, л. 48.
8. Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны Регламент о Управлении Адмиралтейств и Флотов (Регламент). СПб. 1766.
9. Там же, л. 1—2, 13.
10. Из бумаг А.В. Храповицкого. СПб. 1911, с. 9.
11. РГАВМФ, ф. 172, д. 20, л. 65.
12. Имеется в виду канал имени Петра Великого и док в Кронштадте, куда вводились корабли для осмотра и ремонта.
13. РГАВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 20, л. 11—11 об.
14. Там же, л. 12 об.
15. Регламент, с. 57.
16. Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 516, оп. 1, д. 39, л. 66—68; РГАВМФ, ф. 212, оп. 11, д. 1567, л. 17—18, 46 об.—48, 71—75 об.
17. РГАВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 20, л. 31—31 об.
18. Там же, ф. 172, оп. 1, д. 318, л. 28об.
19. Там же, д. 308, л. 38.